

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.4>

UDC 94(100):736.3

LBC 63.3(0)4-9

Submitted: 15.06.2025

Accepted: 05.12.2025

BYZANTINE PHILANTROPY AND CHERSON: TWO EXAMPLES IN THE FIELD OF SIGILLOGRAPHY

Nikolay A. Alekseienko

Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences,
Simferopol, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The ancient authors' accounts often describe Byzantium as a state rich in material goods and very humane, where the people are famous for their boundless philanthropy, manifesting itself in diverse spheres of public life. There are numerous reports that the Byzantines took seriously their "brothers, the poor" – sick and disabled persons in particular. Among the forms of assistance to the indigent and poor, there were distributions of food rations, clothes, and certain sums of money. An illustration of this humanitarian activity of the Byzantine elite is the special tokens, or tesserae, which from time to time occur amidst the sigillographic monuments and as a rule bear the name of the person who funded such a charitable action. *Methods.* The comparative analysis of written and sigillographic sources uncovers new, previously unknown pages in the history of Byzantine Cherson, related to the imperial philanthropy and the Chersonites' obvious participation in the capital's humanitarian events. *Analysis and results.* Among the recent finds from the site of Byzantine Cherson, there are two artefacts directly related to the activities in question dating from the late tenth and early eleventh centuries. These works were made by certain representatives of the Byzantine nobility: Nicholas, *eparchos* of Constantinople, *anthypatos* and *patrikios*, and Nicholas Pentailopoulos, *patrikios*. The appearance of the charitable tesserae from the capital in Cherson to some extent sheds light on the specifics of the organisation of imperial philanthropic actions distributions: by all appearances, among the organisers, or patrons of humanitarian actions, there were not only high-ranking office-holders from the imperial capital but also some provincial aristocrats invited as philanthropists.

Key words: Byzantine philanthropy, sigillography, charity tesserae (tokens), Taurica, Cherson.

Citation. Alekseienko N.A. Byzantine Philanthropy and Cherson: Two Examples in the Field of Sigillography. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 6, pp. 56-64. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.4>

УДК 94(100):736.3

ББК 63.3(0)4-9

Дата поступления статьи: 15.06.2025

Дата принятия статьи: 05.12.2025

ВИЗАНТИЙСКАЯ ФИЛАНТРОПИЯ И ХЕРСОН: ДВА ПРИМЕРА ИЗ ОБЛАСТИ СФРАГИСТИКИ

Николай Александрович Алексеенко

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В описаниях древних авторов Византия нередко предстает в образе богатого материальными благами и очень гуманного государства, народ которого славен своей безграничной филантропией, которая проявлялась в самых разнообразных сферах общественной жизни. Сохранились многочисленные свидетельства о том, что византийцы серьезно относились к своим «братьям, бедным», включая больных и увечных. Одной из форм оказания помощи нуждающимся и беднякам стали раздачи продовольственных пайков, предметов одежды или даже определенных денежных сумм. Иллюстрацией этой гуманитарной деятельности византийской элиты служат иногда, встречающиеся среди сфрагистических памятников, специальные жетоны-тессеры, как правило, несущие имя человека, финансирующего такую благотворительную акцию. *Методы.* Сравнительный анализ данных письменных и сфрагистических источников позволяет открыть новые неизвестные ранее страницы в истории византийского Херсона, связанные с имперской филантропией и очевидным участием херсонитов в столичных гуманитарных мероприятиях. *Анализ и результаты.* В последнее время из

находок на территории византийского Херсона стали известны два артефакта, имеющие непосредственное отношение к осуществлению подобной деятельности в конце X – начале XI в. некоторыми представителями византийского нобилитета: константинопольским эпархом, анфипатом и патрикием Николаем и патрикием Николаем Пентаилопулосом. Появление столичных благотворительных тессер в Херсоне в какой-то мере проливает свет и на специфику организации имперских филантропических акций-раздач: по всей видимости, организаторами-соучастниками гуманитарных акций могли быть не только высокопоставленные столичные вельможи, но и некоторые провинциальные аристократы в качестве приглашенных меценатов.

Ключевые слова: византийская филантропия, сфрагистика, благотворительные тессеры (жетоны), Таврика, Херсон.

Цитирование. Алексеенко Н. А. Византийская филантропия и Херсон: два примера из области сфрагистики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 6. – С. 56–64. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.4>

Введение. Многие древние авторы для описания Византии использовали достаточно яркие формулировки, раскрывающие этические и социальные представления византийского общества, представляя империю богатым материальными благами и очень гуманным государством, народ которой славен своей безграничной филантропией.

Феофилакт Симокатта, говоря о византийском обществе, отмечал, что ромеи «превосходят в филантропии все другие нации» [22, р. 48_{16–20}]. Исследователь византийской филантропии Д. Константелос приводит свидетельство императора Иоанна VI Кантакузина (1347–1354), представлявшего ромеев как нацию, отличавшуюся от других народов многочисленными проявлениями практической филантропии – добродетели не только богатых и выдающихся людей, но и всех государственных учреждений и классов населения [6, р. X, XI, note 6]. В свою очередь современник Кантакузина Алексей Макремволит подчеркивал, что филантропия была одним из врожденных качеств византийцев [24, с. 146₃₁].

Имперская филантропия проявлялась в самых разнообразных сферах общественной жизни. Письменные источники сохранили многочисленные свидетельства о том, что византийцы серьезно относились к своим «братьям, бедным», включая больных и увечных. Они защищали сирот и вдов, оказывали помощь нуждающимся, людям преклонного возраста, пленникам, странникам и иностранцам, попавшим в беду. При этом Д. Константелос особо подчеркивает, что «делали они это не из простой щедрости или равнодушной доброты, а из глубокой любви» [6, р. 66]. Очевидно, здесь нелишне будет упомянуть и о гуманитарной озабоченности как

самых императоров Византии, так и их семей, о чем, к примеру, красноречиво свидетельствует тот факт, что в определенные праздничные дни бедные люди и сироты (12 неимущих) специально приглашались на обед к императорской семье [16, р. 164–170; 2, р. 156, 157, 163]. Известно, что многие василевсы активно заботились о благотворительных учреждениях Константинополя (больницы, дома престарелых, сиротские приюты, постоялые дворы для путешественников), нередко являясь их основателями.

Филантропия была не только политикой, с помощью которой император завоевывал расположение своего народа, но и своеобразным средством религиозного смирения и самопожертвования, с помощью которых его душа могла получить прощение грехов в загробной жизни. Таким образом, императорская благотворительность имела не только религиозные, но и социальные, и политические мотивы.

Отдельные из высокопоставленных придворных и представителей имперской администрации также были великими филантропами. В византийском обществе благотворительность стала одной из форм общественной жизни. Еще со времен Юстиниана известно, что выдающиеся люди помогали бедным и жертвам разрушительного землетрясения, раздавали пострадавшим еду и одежду [1, р. 288]. Но гуманитарная помощь возникала не только в результате стихийных бедствий или каких-либо катастроф. Нередко благожелатели по собственному побуждению предлагали свои ресурсы нуждающимся людям для решения их имущественных или продовольственных проблем. Эти акции организовывались на регулярной или периодической основе религиозными домами, благотворительными учреждениями,

управляемыми государством, а также представителями имперской аристократии и даже членами императорской семьи. Совершение благотворительного деяния рассматривалось византийцами как способ, помимо прочего, защитить себя от зла и принести благословение в свой дом и семью.

Как показывают источники, частная инициатива в создании благотворительных учреждений совсем не была редкостью. Целый ряд знаменитых византийцев можно отнести к числу частных благотворителей, которые основывали филантропические организации и финансировали их [10, р. 901]. К примеру, известно, что одним из широко известных благотворителей был Михаил Атталиат, который пожертвовал доход от своих поместий и недвижимости на оказание помощи нуждающимся и беднякам, а также организовал ряд акций по раздаче хлеба, вина, пшеницы и денег неимущим [15, S. 22ff].

Методы. Сравнительный анализ данных письменных и сфрагистических источников позволяет открыть новые неизвестные ранее страницы в истории византийского Херсона, связанные с имперской филантропией и очевидным участием херсонитов в столичных гуманитарных мероприятиях. Свидетельства милосердной деятельности византийской элиты обнаруживаются и в археологических источниках. Среди сфрагистических памятников порой можно встретить специальные жетоны-тессеры, которые изготавливались из самых разных металлов (медь, свинец, латунь) и часто несли имя человека или учреждения, финансирующего такую благотворительную акцию. Находки таких памятников достаточно редки (в музейных собраниях они представлены лишь единичными экземплярами) и, как правило, их происхождение не зафиксировано. В этой связи выявление каждого нового памятника такого рода заслуживает отдельного внимания и требует введения его в научный оборот.

Анализ. В последнее время из находок на территории византийского Херсона стали известны два артефакта, имеющие непосредственное отношение к осуществлению подобной деятельности в конце X – начале XI в. некоторыми представителями византийского нобилитета, которые не только дополняют сведения по истории имперской филантропии,

но и, видимо, свидетельствуют об вероятном участии в столичных благотворительных мероприятиях и обитателей Таврики.

Около полувека назад (ок. 1980-х гг.) в прибрежной акватории Херсонесского городища была найдена весьма походившая на монету медная тессера неудовлетворительной сохранности, имевшая характерные признаки византийских моливдовулов, атрибутировать которую в то время не удалось. Артефакт долгое время находился в частной коллекции и не раз менял собственника. В итоге, в 2012 г. тессеру приобрел для своей коллекции А. Шереметьев. Однако ни тогда, ни в последнее время (судя по публикациям предметов из собрания киевского музея семьи Шереметьевых) она так и не была введена в научный оборот и соответствующим образом атрибутирована.

Поводом вернуться к этому забытому артефакту (к счастью, в фотоархиве автора сохранилось его фото) стало обнаружение в Херсонесе новой удивительной находки подобного типа. Этим двум редким сфрагистическим памятникам и будет посвящено данное исследование.

Итак, первая известная нам херсонесская тессера была найдена в акватории херсонесского пляжа в районе Уваровской базилики.

1. Музей исторических и культурных реликвий семьи Шереметьевых, Киев (рис. 1)

Медный сплав. Метрические данные неизвестны.

Аверс. Погрудное изображение Богоматери в жемчужном нимбе, анфас в ободке из слившихся в линию жемчужин (вышел за поле заготовки). По сторонам сокращенная легенда под титлами: ΓΗΡ (слева); ΘΥ (справа) – Μηтер Θεοῦ – Матерь Божья.

Реверс. Пятистрочная надпись в ободке из слившихся в линию жемчужин (практически вышел за поле заготовки):

+NIK O	Nikó
ΛΑΟΑΝΘ.	λάρ ἀνθ[ύ]
ΠΑΤΟΠΑΤ	πάτρ πατ
ΡΗΚΗΝΟΣ	ρηκήρ (καί)
ΕΛ·ΕΠ·	ἐλ(αχίστω) ἐπ(άρχω)

Николай, анфипат, патрикий
и «скромный / недостойный» эпарх

Иконографический тип тессеры указывает на принадлежность рассматриваемого объекта к аналогичным памятникам (моливдовулам) второй половины X – начала XI столетия. В пользу этого свидетельствуют и эпиграфические особенности шрифта – литеры с так называемыми «крышечками» на концах вертикальных гас. Легенды моливдовулов второй половины X в., как правило, начертаны именно таким шрифтом. Тому можно привести предостаточное количество примеров.

Точную аналогию неожиданно удалось найти среди печатей знаменитой коллекции моливдовулов Г. Закоса [23, р. 305, no. 616]. В дальнейшем этот памятник (рис. 2) поступил в собрание Женевского музея искусств и истории и датирован авторами каталога началом XI в. [3, р. 453, no. 397]. Благодаря этой тессере уверенно восстанавливается и легенда херсонесской находки. Несмотря на неудовлетворительную сохранность последней, скорее всего, оба экземпляра принадлежат одной паре матриц, поскольку полностью совпадают и характер шрифта, и расстановка литер в строках. Авторы Женевского каталога реконструируют завершающую часть легенды в дательном падеже, очевидно, предполагая обращение к помощи Богородицы, образ которой представлен на аверсе тессеры, в то же время Г. Закос воспроизводил надпись полностью в номинативе. Отсутствие инвокативной легенды в сопровождении образа Богоматери, в принципе, позволяет рассматривать здесь оба возможных варианта. Впрочем, окончание имени заказчика и его первых рангов титулатуры (анфипат, патрикий) на *о микрон* может означать передачу легенды именно в именительном падеже с сокращением конечной *сигмы* и подменой в титуле патрикия *иоты* на *эту* (Νικόλαος ἀνθύπατος πατρ(ι)κ(ι)ος ἐλάχιςτος ἐπάρχος).

Исходя из легенды тессеры, она была выпущена достаточно высокопоставленным сановником по имени Николай, носившим высокие титулы анфипата и патрикия, который не преминул указать (правда, лишь в сокращенной форме) и занимаемый им государственный пост эпарха, в сопровождении

уничижительного эпитета «скромный (или ничтожный / недостойный)». Как известно, приниженная форма приставок подобного рода в обозначении занимаемых постов владельцев моливдовулов была вполне традиционна как для смиренных светских христиан того времени, так и представителей клира.

Следует отметить, что в свое время Н. Икономидис предложил иную реконструкцию последней строки легенды тессеры. Греческий ученый вместо «ничтожного (скромного)» эпарха восстанавливал термин ἐλε(ο) π(α)ρόχ(φ), то есть видел здесь чиновника среднего ранга из ведомства логофета геникона, выполнявшего надзорные функции, связанные с морской торговлей [17, р. 266]. Однако, как нам представляется, все же следует согласиться с мнением авторов Женевского каталога, что наличие знаков сокращения в последней строке легенды, а также присутствие придворных титулов (патрикий, анфипат), характерных только для высокопоставленных чиновников, полностью исключает такое чтение.

С учетом гуманитарного назначения рассматриваемого жетона-тессеры, значение слова ἐλάχιςτος (ничтожный, скромный, незначительный и т. п.), являясь одним из терминов смирения, которым, как известно, священнослужители (да и не только) нередко обозначали себя на моливдовулах [11, р. 208, 209, 224, 249, 374, 375, 519, 598–600, 697, 772, no. 294, 296, 316, 349, 510, 686, 780, 888, 1012; 12, р. 19, 31, 32, 236, no. 1048, 1074, 1335; 13, р. 93, no. 1739], здесь, несомненно, демонстрировало религиозное чувство должностного лица (в данном случае эпарха Константинополя), которое, как нельзя лучше, мотивировало организуемую им благотворительную акцию [3, р. 453].

В свое время Р. Гийян составил перечень эпархов византийской столицы [7; 8; 9], который в дальнейшем откорректировал и дополнил Ж.-Кл. Шене [4]. В ряду эпархов, известных только по краткому упоминанию, назван патрикий Николай [8, р. 164, note 335; 4, р. 52, note 22], который в начале XI в. вместе с ипатом и патриkiem Вардой фигурирует в одном из судебных разбирательств, содержащихся в Пире [18, р. 249, 250]. Очевидно, херсонесскую находку следует связывать именно с этим персонажем. К сожалению, о нем больше ничего не известно.

Второй артефакт был обнаружен летом 2023 г. на центральной площади Херсонеса в районе Владимирского собора в отвале одной из строительных траншей.

2. Частная коллекция Ю.А. Цепкова (Севастополь) (рис. 3)

Медный сплав. Размер – 17 × 18,5 мм (диаметр поля – 16 мм); вес – 2,14 г; соотношение осей – 1 час.

Аверс. Погрудное изображение Богоматери в жемчужном нимбе, держащей руки перед грудью ладонями наружу в жесте приветия благодати, анфас. По сторонам сокращенная греческая надпись под титлами: слева – $\bar{\text{M}}$; справа – Θ – $\text{M}(\eta\tau\epsilon\rho)\Theta(\epsilon\omicron\upsilon)$ – Матерь Божья. По кругу греческая легенда с инвокативным обращением: $\text{K}\epsilon\rho\omicron\eta\theta\epsilon\iota\eta\text{N}\text{K}\omicron\lambda\alpha\omicron\text{P}\alpha\tau\tau\iota\kappa\iota$ – $\text{K}(\acute{\upsilon}\rho\iota)\epsilon\beta\omicron\eta\theta\epsilon\iota\text{N}\eta\kappa\omicron\lambda\acute{\alpha}(\omega)\text{ }\pi\alpha\tau\tau\iota\kappa(\acute{\iota}\omega)$ – Господи, помоги Николаю, патрикию. Вокруг ободок из мелкой зерни.

Реверс. Погрудное изображение св. Николая в святительских одеждах, держащего в левой руке Евангелие, а правой благословляющего, анфас. По сторонам надпись в столбик: слева – $\Theta|\text{N}|$; справа – $\text{K}|\text{O}|\Lambda\Lambda|\text{O}$ – $\text{O}(\acute{\alpha}\gamma\iota\omicron\varsigma)\text{N}\acute{\iota}\kappa\omicron\lambda\alpha\omicron(\varsigma)$ – Святой Николай. По кругу греческая легенда ¹: $+\text{T}\omega\text{ }\text{P}\epsilon\text{n}\tau\alpha\text{H}\lambda\omicron\text{P}\omicron\upsilon\text{N}\wedge\omega$ – $\tau\tilde{\omega}$ Πενταηλοπούλω. Вокруг ободок из мелкой зерни.

Иконографический тип и шрифт данной тессеры также указывают на ее принадлежность к памятникам второй половины X – самого начала XI столетия. Примечательно, что здесь уже присутствует патроним владельца, хотя наличие круговой легенды возвращает нас к памятникам сфрагистики конца X в., когда указание патронима еще не вошло в широкую практику.

Поиск аналогий привел нас к выявлению еще двух аналогичных памятников. Однако, если выявление в процессе исследований тессеры, подобной херсонесской находке, среди лотов одного из электронных аукционов (рис. 4) [5, lot 803] – явление достаточно закономерное и вполне ожидаемое в творческом поиске, то обнаружение еще одного экземпляра явило своеобразный пример из известной поговорки, что «новое – это хорошо забытое старое». Третий экземпляр неожиданно был обнаружен в знаменитой «Сигиллографии» Г. Шлюмберже [19, р. 689]. Правда, издатель, приводя лишь рисунок

буллы из своей коллекции, не верно представил патроним заказчика ($\tau\tilde{\omega}$ Πενταηλοπούλω). В то же время назвал его патрикием Николаем, ссылаясь на первое издание памятника [20², р. 196, no. 10, pl. XVIII, 7], где указал, что она изготовлена из медного сплава (*cuivre jaune*), давая понять, что мы имеем дело с медной тессерой, а не моливдовулом (рис. 5) Примечательно, что на рисунке из «Сигиллографии» в легенде лицевой стороны не отражено имя заказчика. По-видимому, сохранность легенды в том месте была не слишком хорошей, поэтому рисовальщик слегка пофантазировал и вместо имени изобразил буквы из хорошо известного окончания инвокативной формулы «Богородица помоги твоему рабу»: $\text{C}\omega\Delta\text{O}\text{V}\wedge\omega$, опустив начальное $\text{T}\omega$. По количеству литер (7) и размеру этот фрагмент легенды полностью соответствует имени Николая, даже совпадают начертания отдельных литер. Не вызывает сомнения, что по той же причине в родовое имя тоже вкралась ошибка: вместо *эты* нарисована *ти* и получился: Пентаплопулос вместо Пентаилопулоса. Однако не приходится сомневаться, что здесь мы имеем дело с тессерой той же пары матриц, что и херсонесский экземпляр. Возможно, со временем в одном из парижских собраний, где хранится часть не приобретенной Н.П. Лихачевым коллекции Г. Шлюмберже, удастся найти этот памятник (в составе коллекции Н.П. Лихачева (ныне в собрании Государственного Эрмитажа) он не зафиксирован) и утвердительно ответить на возникшие сегодня вопросы.

Удивительно, что при достаточной редкости такого рода памятников данный артефакт по каким-то причинам остался вне внимания исследователей. В публикациях, посвященных византийским тессерам, после Г. Шлюмберже он никогда не упоминался.

В анналах византийской истории патрикий Николай Пентаилопулос, к сожалению, не оставил никаких следов, по крайней мере, на данный момент нам о нем ничего не известно. О его семействе также мало что известно, в основном только по данным памятников сфрагистики³. Но несмотря на это находки его благотворительных тессер, которые бесспорно являются вещественными доказательствами организации гуманитарных акций по оказанию социальной помощи наиболее обездоленным слоям византийского обще-

ства, по нашему мнению, свидетельствуют не только о его высоком общественном статусе и очевидной зажиточности, которые вполне позволяли ему быть щедрым, но и большой личной филантропии.

Природу происхождения и назначения византийских благотворительных тессер (токонов) достаточно подробно осветил Дж. Несбитт [14, р. 67–76], что избавляет нас от необходимости повторного экскурса на эту тему. Заметим лишь то, что исследователь отметил точку зрения Г. Шлюмберже, что такие предметы, которые датируются, как правило, X или XI в. (хотя теперь известно и о более ранних примерах), должны относиться к категории своеобразных хлебных талонов [19, р. 78, 79; 14, р. 68]. Однако источники повествуют, что в обмен на тессеру ее обладатель мог получить не только продовольственный паек или предметы одежды, но и право на вход в общественную баню или даже определенную сумму денег [3, р. 450].

Выводы. Как представляется, появление столичных благотворительных тессер в византийском Херсоне в какой-то мере проливает свет и на вероятную специфику организации имперских филантропических акций-раздач. Из сохранившихся сведений следует, что такие мероприятия проводились благожелателями непосредственно для местных жителей. Исходя из статуса заказчиков, рассмотренные тессеры, судя по всему, предназначались для константинопольских акций. Маловероятно, что высокопоставленный столичный вельможа мог организовывать благотворительную раздачу в провинциальном Херсоне. В то же время и «малоимущему» херсониту наверняка нереально (в первую очередь весьма затратно) было принять участие в подобном мероприятии в столице. Находки тессер за морем, в глубокой провинции, по всей видимости, могут свидетельствовать о возможном персональном знакомстве отдельных херсонских жителей с организаторами таких благотворительных событий, которые могли быть приглашены для участия в них, но, на наш взгляд, не как обездоленных получателей гуманитарной помощи, а в качестве спонсоров-меценатов. Видимо, именно поэтому тессеры и не были предъявлены или обменены, а остались в Херсоне. Возможно, они стали своеобразными талисманами в память о содеянном богоугодном деле. Напомним, что во вторичном использова-

нии аукционный экземпляр тессеры Николая Пентаилопулоса [5, lot 803], в которой было просверлено отверстие и она, скорее всего, выполняла именно такую роль, не говоря о том, что одновременно с этим могла являться и предметом личного благочестия.

Таким образом, благодаря находкам константинопольских благотворительных тессер в византийском Херсоне можно засвидетельствовать то, что, по всей видимости, организаторами-соучастниками гуманитарных акций могли быть не только высокопоставленные столичные сановники, но и некоторые провинциальные аристократы в качестве приглашенных меценатов.

Организация гуманитарных раздач была лишь малой толикой христианского сочувствия и заботы византийских «сильных мира сего» о своих «братьях меньших» в большой цепи благотворительных мероприятий, проводившихся не только в Константинополе, но и в провинциях: были построены больницы, дома для бедных и престарелых; созданы сиротские приюты, где сироты не только размещались и питались, но и получали образование; построены специальные учреждения для прокаженных; в различных городах и на дорогах империи были основаны странноприимные дома и постоялые дворы, чтобы обеспечить путешественников едой и кровом. Такое проявление филантропии как добродетели по своей идеологической концепции и практическому применению полностью соответствует христианским идеалам, которыми сверху до низу (от императора до простолюдина) было пропитано византийское общество. Надо полагать, что находки благотворительных тессер в Херсоне в этом смысле – очередное подтверждение повсеместного существования устойчивых традиций человеколюбия в гуманитарной политике Византийского государства и Церкви во второй половине X – начале XI столетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Автор выражает глубокую благодарность профессору В. Зайбту (Вена) за консультации по реконструкции родового имени заказчика тессеры.

² Данная статья была переиздана в 1895 г. в *Mélanges d'archéologie byzantine*, где также была представлена рассматриваемая нами тессера [21, р. 285, no. 10, pl. XIV, 7].

³ В дальнейшем этой теме автор планирует посвятить специальное исследование.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рис. 1. Благотворительная тессера Николая, патрикия, анфипата и «скромного» эпарха из Музея исторических и культурных реликвий семьи Шереметьевых (Киев). Фото автора, 2012
 Fig. 1. Charity tesserae of Nicholas, patrikios, anthypatos and ἐλάχιστος eparchos from the Sheremetievs Family Museum of Historical and Cultural Rarities (Kiev) (photo by the author, 2012)

Рис. 2. Благотворительная тессера Николая, патрикия, анфипата и «скромного» эпарха из собрания Женевского музея искусств и истории (по: [3, p. 453, no. 397])
 Fig. 2. Charity tesserae of Nicholas, patrikios, anthypatos and ἐλάχιστος eparchos from the Geneva Museum of Art and History (according to [3, p. 453, no. 397])

Рис. 3. Благотворительная тессера патрикия Николая Пентаилопулоса из Херсона. Фото автора, 2024
 Fig. 3. Charity tessera of Nicholas Pentailopoulos, patrikios from Cherson (photo by the author, 2024)

Рис. 4. Благотворительная тессера патрикия Николая Пентаилопулоса с аукциона Concordia Numismatic (по: [5, lot 803])

Fig. 4. Charity tesserae of Nicholas Pentailopoulos, patrikios from Auction Concordia Numismatic (according to [5, lot 803])

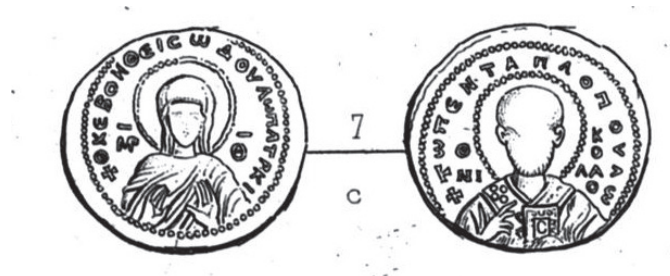

Рис. 5. Благотворительная тессера патрикия Николая Пентаилопулоса из коллекции Г. Шлюмберже (по: [20, p. 196, no. 10, pl. XVIII, 7])

Fig. 5. Charity tesserae of Nicholas Pentailopoulos, patrikios from the Collection of G. Schlumberger (according to [20, p. 196, no. 10, pl. XVIII, 7])

REFERENCES

1. Niebuhr B.G., ed. *Agathiae Myrinaei Historiarum libri quinque*. Bonnae, Impensis ed. Weberi, 1828. 420 p. (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae; vol. I).
2. Bury J.B. *The Imperial Administrative System in the Ninth Century*. London, British Academy Publ., 1911. 179 p.
3. Campagnolo-Pothitou M., Cheynet J.-Cl. *Sceaux de la collection George Zacos au Musée d'art et d'histoire de Genève*. Genève, Musée d'art et d'histoire, 2016. 521 p.
4. Cheynet J.-Cl. L'Éparque: correctifs et additifs. *Byzantinoslavica*, 1984, vol. XLV, fasc. 1, pp. 50-54.
5. *Concordia Numismatic. Auction 7. Greek, Roman, Byzantine, Medieval and Islamic Coins, Weights and Seals (02.09.2023)*. e. U., Aigen, Austria. URL: <https://www.bidder.com/auctions/concordianumismatic/browse?a=3750&l=4336109>
6. Constantelos D.J. *Byzantine Philanthropy and Social Welfare*. New Brunswick; New Jersey, Rutgers University Press, 1968. XXVIII, 356 p., 4 m.
7. Guiland R. Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire Byzantin. L'Eparque. 1. L'Eparque de la Ville – O Eparchos tēs Poleōs. *Byzantinoslavica*, 1980, vol. XLI, fasc. 1, pp. 17-32.
8. Guiland R. Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire Byzantin. L'Eparque. 1. L'Eparque de la ville – O Eparchos tēs Poleōs (Suite). *Byzantinoslavica*, 1980, vol. XLI, fasc. 2, pp. 145-179.
9. Guiland R. Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire Byzantin. II. Les Eparques autres que l'Eparque de la ville. *Byzantinoslavica*, 1981, vol. XLII, fasc. 1, pp. 186-196.
10. Jones A.H.M. *The Later Roman Empire 284–602. A Social Economic and Administrative Survey. Vol. II*. Oxford, Basil Blackwell, 1964, pp. 523-1068.
11. Laurent V. *Le Corpus des Sceaux de l'empire byzantin. T. V: L'Église. Partie 1*. Paris, Centre National de la Recherche Scientifique, 1963. 805 p.
12. Laurent V. *Le Corpus des Sceaux de l'empire byzantin. T. V: L'Église. Partie 2*. Paris, Centre National de la Recherche Scientifique, 1965. 340 p.
13. Laurent V. *Le Corpus des Sceaux de l'empire byzantin. T. V: L'Église. Partie 3*. Paris, Centre National de la Recherche Scientifique, 1972. 538 p.
14. Nesbitt J.W. Byzantine Copper Tokens. *Studies in Byzantine Sigillography*, 1987, vol. 1, pp. 67-76.
15. Nissen W. *Die Diataxis des Michael Attaliates von 1077*. Jena, Frommannsche Hof-Buchdruckerei (H. Pohle), 1894. iv, 124 S.
16. Oikonomidēs N. *Les listes preseance byzantines des IXe et Xe siècle*. Paris, Centre National de la Recherche Scientifique, 1972. 404 p.
17. Oikonomidēs N. À propos d'une nouvelle publication de sceaux byzantin. *Revue des études byzantines*, 1986, vol. 44, pp. 263-267.
18. Zachariae a Lingenthal C.E., ed. *Peira i.e. Practica ex actis Eustathii Romani. Ex Cod. Laurentiano*. Lipsae, T. O. Weigel, 1856. 312 p. (Jus graeco-romanum; Pars I).
19. Schlumberger G. *Sigillographie de l'empire byzantin*. Paris, E. Leroux, 1884. 748 p.
20. Schlumberger G. Monuments numismatiques et sphragistiques du moyen âge byzantin. *Revue Archéologique (n. s.)*, 1880, vol. 40 (juillet à décembre 1880), pp. 193-212, pl. XVIII.
21. Schlumberger G. Monuments numismatiques et sphragistiques du moyen âge byzantin. *Mélanges d'archéologie byzantine*. Paris, E. Leroux, 1895, pp. 281-304, pl. XIV.
22. Boor (de) C., ed. *Theophylacti Simocatae Historiae*. Lipsae, In aedibus B. G. Teubneri, 1887. 438 p.
23. Zacos G. *Byzantine Lead Seals. Vol. 2*. Berne, Beuteli, 1984. xxx, 543 p., 100 pl.
24. Makrembolitou Alexiou Logos Istorikos [Alexios Makrembolites' Historical Speech]. Papadopoulos-Kerameus A. *Analekta Ierosolomitikēs Stachyologias* [Analekts of Jerusalem Stachyology], vol. 1. Saint Petersburg, Typographeion V. Kirschbaum, 1891. 535 p.

Information About the Author

Nikolay A. Alekseenko, Dr. Études médiévales (Paris IV-Sorbonne), Candidate of Sciences (History), Leading Researcher, Department of Medieval Archaeology, Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Akademika V.I. Vernadskogo, 2, 295007 Simferopol, Russian Federation, alekseyenkonikolaj@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1992-680X>

Информация об авторе

Николай Александрович Алексеенко, Dr. Études médiévales (Paris IV-Sorbonne), кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела средневековой археологии, Институт археологии Крыма РАН, просп. Академика В.И. Вернадского, 2, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, alekseyenkonikolaj@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1992-680X>